

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.2>

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОДЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА "ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ"

Статья посвящена изучению позднего творчества Г. Р. Державина; впервые рассматривается специфика художественного мира оды "Обитель Добрады". Прослежены сюжетные источники, ценностное начало, тематическое и стилевое многообразие оды, специфика поэтического портрета, соединяющего историческое и частное в жизни человека; особенности жанрового синтеза, охватывающего элементы лирики, фольклора и драматургии. Психологизм, энциклопедизм, бытописание, изображение духовности бытия определены как существенные черты эстетики Державина. В работе показано, что жанрово-стилевая и тематическая многослойность произведения отражала характер художественных поисков поэта на рубеже XVIII-XIX вв. Анализ оды позволяет проследить тот путь, который проделала поэзия Державина, "связав" традиции классицистической оды и предромантической лирики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русская литература

Russian Literature

УДК 821.161.1.0+82-14

Дата поступления рукописи: 13.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.2>

Статья посвящена изучению позднего творчества Г. Р. Державина; впервые рассматривается специфика художественного мира оды «Обитель Добрады». Прослежены сюжетные источники, ценностное начало, тематическое и стилевое многообразие оды, специфика поэтического портрета, соединяющего историческое и частное в жизни человека; особенности жанрового синтеза, охватывающего элементы лирики, фольклора и драматургии. Психологизм, энциклопедизм, бытописание, изображение духовности бытия определены как существенные черты эстетики Державина. В работе показано, что жанрово-стилевая и тематическая многослойность произведения отражала характер художественных поисков поэта на рубеже XVIII-XIX вв. Анализ оды позволяет проследить тот путь, который проделала поэзия Державина, «связав» традиции классицистической оды и предромантической лирики.

Ключевые слова и фразы: Г. Р. Державин; ода; поэтика; художественное пространство; фольклоризм; жанровый синтез; музыкальность.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н., доцент
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
osokina-11@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОДЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ»

Предметом исследования в настоящей статье является содержание и особенности поэтического мира оды «Обитель Добрады» (1808). **Научная новизна** исследования определяется тем, что произведение не было предметом специального изучения. Следует отметить, что позднее творчество Державина вообще недостаточно изучено, на это еще во второй половине XIX в. обратил внимание Я. Б. Грот; современное державиноведение, конечно, значительно продвинулось с того времени, однако и до сегодняшнего дня полной картины творчества поэта рубежа XVIII-XIX вв. не сложилось. А между тем знакомство с произведениями этого периода («Обитель Добрады», «Плач царицы», «На балет “Зефир и Флора”» и других) заставляет согласиться с оценкой Я. Б. Грота, который писал, что «из позднейших его стихотворений многие весьма замечательны; в них есть места, запечатленные такою силою таланта, что, несмотря на несколько устаревший язык и на шероховатости, неразлучные почти с каждой пьесой Державина, они никогда не потеряют цены» [6, с. V].

Актуальность исследования обусловлена непреходящей ценностью русской классической литературы и, в частности, духовным и ценностным богатством поэтического наследия Г. Р. Державина. Изучение творчества поэта выявляет еще «неоткрытые» грани его таланта. **Цель** исследования – на примере оды «Обитель Добрады» показать специфику поэтического творчества позднего Державина, ввести оду в активный литературный контекст. **Задачами** исследования являются: 1) выявить особенности воплощения «монаршей» тематики в творчестве Державина; 2) проиллюстрировать на примере данного литературного произведения мысль о том, что в позднем творчестве усиливается личностное начало, психологизм; 3) показать, что творческий интерес к жанровому синкретизму, фольклору, пейзажу, присущий поэту уже в ранних произведениях, получает новое художественное развитие в оде «Обитель Добрады».

«Обитель Добрады» посвящена императрице Марии Федоровне (вдове Павла I), названной именем сказочной царицы Добрады. Сюжет стихотворения состоит в том, что Мария Федоровна в Павловске ожидает приезда своей дочери, Марии Павловны, супруги великого герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха в родной дом из-за границы, «из дальних стран». Мария Федоровна показана и в своей общественной деятельности, и одновременно раскрываются ее личностные характеристики. Поэт передает права «всезнающего автора» мифическим существам (нимфам) и «хорам», в диалогах и песнопениях которых и раскрывается общественная и душевная жизнь его героинь.

Добродетели Марии Федоровны (Добрады) воспеваются хорами (хор сирот, девиц, вдов, ремесел). Выбор исполнителей хора обусловлен деятельностью императрицы: Мария Федоровна занималась благотворительностью, основала и поддерживала женские учебные заведения, при ее патронаже создано первое в России

ремесленное училище [13]. Произведение вписывается в главную тему державинской поэзии – человек на фоне своего времени и своих дел.

«Хоры» в стихотворении не только создают портрет вдовствующей императрицы, но и рисуют гражданский идеал самого Державина – служение Отечеству, раскрытый во многих его одах и драматических сочинениях. Поэт видел в историческом материале лучшее средство для патриотического воспитания, для формирования любви к Отечеству [16]. В предисловии к трагедии «Темный» поэт писал о том, что история является для литератора источником изображения нравственного состояния человечества, «выводит из мрака на зрелище порок и добродетель» и тем самым служит истине [8, с. 383].

В «Обители Добрады» этот идеал утверждается, в частности, в рефрене, проходящем во всех «хорах»: «Где так царствуют цари, общу благодарность зри» [7, с. 703]. Исследователями давно уже было отмечено, что внимание к историческим и государственным личностям в поэзии и драматургии Державина приобрело глубоко личностный характер. Он не просто воспевал героя, но открывал человеческое измерение его подвига (или жизненного пути): патриотизм, героизм, благотворительность, государственное служение в ценностном мире поэта становятся не просто формами деятельности, но нравственными ориентирами. «Добро лишь для добра творит», – так характеризуется деятельность Добрады [Там же, с. 704].

В узнаваемых деталях воссоздан и облик Марии Павловны, имя которой связано с культурной жизнью Веймара – в начале XIX в. центром германского просвещения: она была дружна с Гёте, Шиллером, Листом; при ее участии было создано знаменитое философское общество «Веймарский кружок». Существует историческое свидетельство, что в 1804 г., на первый приезд Марии Павловны в Веймар в качестве супруги герцога Шиллер сочинил пьесу «Приветствие искусств» [12]. Эти обстоятельства отражены в сочинении Державина: «...всех тамошних каких-то муз / По тамошнему пет ей был усердный гимн» [7, с. 700].

Культурно-исторический акцент, актуальный для XVIII в., видится в беспокойстве о том, не утрачена ли принцессой на чужбине память о Родине: «Как на отечество свое она глядит, / На мать, на братьев, сестр? В беседах говорит / Своим ли языком?» [Там же, с. 698]. Тема «возвращения на Родину» усиливается и мотивом «памяти»: поэт очерчивает ментальные, психологические горизонты этого «возвращения», которое в контексте данного стихотворения раскрывается как восстановление чувства родства с землей, людьми, воспоминаниями детства: «Спросила ли о ком? / Узнала ли друзей и те места природы, / Где... улыбалась в ней младенческа душа?» [Там же].

Личностное начало оды связано с темой материнства: поэт создает образ Марии Федоровны как нежной матери и бабушки; поэтический рассказ о теплоте сердечных отношений матери и дочери определяет общий тон произведения. Автор использует форму монолога («арии») самой Добрады, в которой также раскрывается ее психологическое состояние. Введение этих форм значительно расширяет арсенал средств для раскрытия мира человека, который предстает в личном и историческом бытии.

Рассказ о разлуке и встрече венценосной матери и дочери в поэтическом мире стихотворения сближается с мифологическим сюжетом о Деметре и Персефоне: «Весна цветит траву, / Зимы исчезла мочь: / Тебя к себе зову, / Приди, любезна дочь!» [Там же, с. 695]. О мифологическом сюжете заставляет вспомнить и следующая цитата: императрица ожидает, «не возвратится ли к ней дщерь / Из дальних, чуждых стран, из области супруга?» [Там же, с. 697]. Напоминает фольклорный плач и «ария» Добрады, где рефреном проходят слова: «Приди, любезна дочь! / Ау, ау, ау!» [Там же, с. 695].

Тема материнства, разлуки, границы смерти и жизни в стихотворении актуализируется мотивом памяти об умершей в 1808 г. в двухлетнем возрасте Великой княжне Елизавете Александровне (дочери Александра I), о которой скорбит Мария Федоровна: «Она вздыхает, / Ток слезный проливает / ...и Лизу вспоминает, / Что в майский светлый, юный день / Недавно скрылася во смертну тень» [Там же]. Параллель с мифологическим сюжетом придает онтологическую значимость событию, сближая расставание при жизни с «вечной разлукой» – смертью. В стихотворении, как и в мифологическом сюжете, «разлука» преодолевается «встречей»; весна торжествует над зимой, жизнь над смертью.

Видится неслучайным, что в «Обители Добрады» поэт использует по отношению к Марии Федоровне эпитеты «благодатная» и «неблазная», применяемые в православной гимнографии исключительно к Божьей Матери. Поэт знал о полемике между Синодом и Российской академией наук по поводу правомерности использования эпитетов в светском контексте и принял сторону «светской линии», считая возможным уместное введение высокой лексики в поэзию [Там же, с. 693]. «Богородичные» эпитеты, примеренные к Марии Федоровне, не только являются оценочными по отношению к ее облику, но и служат духовному акцентированию общего тона произведения, задают ценностную вертикаль; герои Державина не погружены только в мир «земных» отношений (семейных, исторических, природных), но включены в духовную модель мироздания. Сюжет «встречи матери и дочери» перерастает границы сентиментального мотива и обогащается темами, связанными вопросами человеческого бытия: «материнская любовь», «чувство родины», «родная земля», «жизнь и смерть».

Произведение видится показательным для характеристики поэтических исканий поэта этого периода. Оно объединяет несколько жанровых традиций, что закономерно для жанрово-стилевых поисков поэзии рубежа XVIII – начала XIX в. Державин соединяет в тексте идиллию, оду, буколику, пейзаж, экфрасис, мелодраматические элементы и театральность.

В свете нравственного идеала, утверждаемого в оде, новым содержанием наполняется идиллическое начало: поэтом в «Обители Добрады» создается не просто «идиллическое», но «райское» пространство, которое отличается от первого напряженным духовным трудом, аскетизмом, самоотречением и служением [3].

Богородичные эпитеты, применяемые к Добrade, название Павловского дворца термином из церковной культуры – «обитель» – подчеркивают «райское» начало пространства, изображенного поэтом, и усиливают духовно-нравственное содержание образа Добрады.

Важным для жанрового и содержательного начала произведения является и синтез драматического и лирического жанров. При первом издании произведения в «Русском вестнике» (1808) редактором С. Н. Глинкой жанр сочинения был определен как «лирическая драма» и «пастушеская мелодрама с речитативом и хорами»; Я. К. Грот определил, что это пьеса, имеющая драматическую форму, но по содержанию примыкающая к лирическим [6, с. 692, 707]; современный исследователь Г. Н. Ионин назвал произведение «стихотворением» [10, с. 375-376].

Синтез различных жанров был присущ уже ранней поэзии Державина и особенно получает развитие в зрелой поэзии. В теоретической работе «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» поэтические жанры рассматриваются им в единстве генетических жанрово-стилевых связей: ода и гимн, опера и народная песня – каждая из них несет, по мысли поэта, свои формы лирического осмысления действительности. И именно в синтезе различных лирических и драматических элементов только и возможна вся полнота воплощения поэтической идеи. В «Обители Добрады» отчетливо прослеживается музыкальное, оперное начало: «хоры», «карии», «дуэты», «трио», «плачи» героев являются не формальными, но содержательными элементами произведения, несут эмоционально-ценностную нагрузку. Поэт писал, что опера «есть перечень... всего зримого мира... живое царство поэзии... видишь перед собою волшебный очаровательный мир, в котором взор объемлется блеском, слух гармонии... человек познает тут свое величие и владычество над вселенной» [9, с. 601-602].

Значимым элементом произведения является пейзаж. Стихотворение является одним из первых в литературе поэтическим изображением Павловского паркового ансамбля: здесь изображен дворец, который «в полуго-ре стоит и вдаль чрез дол с высот / блесит из мрамора столпами»; водопад на реке Славянке («шумящий водо-скат, жемчужными струями / сверкая, сыплется в реку») [7, с. 692]; обозначены детали парковой архитектуры и ландшафтного дизайна («здесь возвышается алтарь Творцу вселенной, / И обелисков ряд несется к небесам», «тут пестреются различные цветы, / <...> В узорчатых грядах, / Как будто на коврах») [Там же, с. 698].

Пейзаж стихотворения не только очерчивает конкретику деталей паркового ансамбля Павловска, но и в целостности этих деталей воссоздает образ русской северо-западной природы. Наряду с парковыми «кустами сирени и роз», с «плетеными оградами шиповника», с домом, который «вдаль чрез дол с высот блесит из мрамора столпами», читатель видит здесь «тень лип и дубов», «под солнцем рощи как кидают длину тень», закат, который горит на небе «багряным золотом»; слышит вечерний «рой насекомых».

В стихотворении открываются излюбленные Державиным приемы создания пейзажа, соединяющие перспективные виды с конкретными деталями, изобразительные и звуковые характеристики: героиня (Добрада) видит «утучнены стада, / Идущи тяжело с мычаньем из долины», «среди озера стеклянья равнины, / как тихо тянется за лебедем бразда», слышит, «как из-за рощи... доходят голоса пастушеской свирели» [Там же, с. 694].

Узнаваемую картину русской природы дополняют образы птиц: «соловей» и «кукушка». Пение соловья, изображенное в стихотворении в динамике, с передачей характера звука, является ярким элементом в «поэтической орнитологии» русской поэзии: «...громкий соловей / Как торжество своей / Любви страстной воспевае, / Отрывисто звучит, / За громом гром катит / <...> / Потом же, утомясь, / Свой тише, тише глас / Как бы степенно ниспускает / И, сладостно стена, в восторге умолкает» [Там же]. Другой звуковой образ птичьего пения – это кукование кукушки.

«Соловей» и «кукушка» в контексте произведения образуют антиномичную пару. Оба образа имеют устойчивую семантику в русском фольклоре и литературе. «Соловей» связан с утверждением духовности, свободы, воспринимается как «“луч”, связывающий временное и вечное, “чудное мгновение” человеческой жизни и космос» [1, с. 10]. Образ «кукушки» связан с культом предков, с идеей связи мира живых и мертвых [14, с. 8]. «Соловей» и «кукушка», дополняя пейзажные картины в стихотворении, одновременно несут и символическое значение, обозначают две грани человеческой жизни: одна связана с любовью, рождением, надеждами; другая обозначает границу жизни и смерти.

Поэтический гений Державина позволяет отдельными штрихами охватить и конкретику природного мира, и онтологию человеческого бытия. На эту особенность художественного мира поэта обратил внимание еще в начале XX в. Ю. И. Айхенвальд, который писал, что наряду с воспеванием красочности предметного мира русского быта поэт «поднимает свои взоры к небу и задумывается над последними тайнами человеческого бытия», размышляет «о великом и вечном» [2].

Таким образом, стихотворение выступает как историко-культурный и религиозно-философский этюд, в котором ярко раскрывается тип державинского авторского сознания: в произведении воссоздана целостная модель бытия человека, в которой семейное, государственное, природное, социальное земное и Небесное (с заглавной буквы, т.к. перифраз слова «Божественное». – *О. А.-О.*) выступают в неразрывной связи. Герой Державина никогда не погружен в быт, но всегда устремлен в бытие. Думается, что эту характеристику можно считать типологически закономерной для русской литературы и культуры вообще, она составляет ее «сердце», ее «неотчуждаемую топику», «художественно-нравственные аксиомы» [15, с. 255].

Тонкое чувство слова позволило поэту создать картину, наглядно отражающую образ природного и этнокультурного облика России XVIII в.: это узнаваемые реалистические и фольклорно-мифологические картины русской природы, колоритные сцены русского усадебного быта, поэтическая галерея героев Отечества. Однако значимость раскрытия «народности» в поэзии Державина видится не только в создании

многоцветного эмпирического мира русской культуры, но в формировании целостного, ценностно-содержательного образа русской жизни.

Образ «национального пространства» в стихотворении создается соединением комплекса элементов: выбор жанровой формы, типа пейзажа, воссоздание «чувства родины», «дома», «семьи». Объединяющим началом здесь становятся ценностные основы авторского миропонимания, говоря словами Д. С. Лихачева, представление о «том, каким этот мир был, есть или должен быть» [11, с. 78].

Тематическая многослойность позволяет говорить об энциклопедизме изображения русской жизни – принципе, который был активен в творчестве позднего Державина (вспомним оду «Евгению. Жизнь Званская») и получит дальнейшее развитие уже в поэзии XIX в., подтверждая, таким образом, известный тезис о том, что творчество Державина явилось связующим звеном между поэзией XVIII и XIX вв.

Список источников

1. **Азбукина А. В.** Образ-символ птицы «соловей» в русской поэзии XIX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2001. 24 с.
2. **Айхенвальд Ю. И.** Памяти Державина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/articles/aihenvald-pamyati-derzhavina.html> (дата обращения: 15.06.2018).
3. **Александрова-Осокина О. Н.** «Райский» тоpos в паломническом тексте // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2 (14). С. 89-93.
4. **Бахрушин Ю. А.** История русского балета. Изд-е 2-е. М.: Просвещение, 1973. 310 с.
5. **Белинский В. Г.** Литературные мечтания // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834-1836. Дмитрий Калинин. С. 47-127.
6. **Грот Я. Б.** Предисловие // Державин Г. Р. Сочинения: в 9-ти т. / с объяснительными примечаниями и предисл. Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1865. Т. 2. С. V-VIII.
7. **Державин Г. Р.** Сочинения: в 9-ти т. / с объяснительными примечаниями и предисл. Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1865. Т. 2. 736 с.
8. **Державин Г. Р.** Сочинения: в 9-ти т. / с объяснительными примечаниями и предисл. Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1867. Т. 4. Драматургия. 875 с.
9. **Державин Г. Р.** Сочинения: в 9-ти т. / с объяснительными примечаниями и предисл. Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1872. Т. 7. 778 с.
10. **Ионин Г. Н.** Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни / изд. подгот. Г. П. Макогоненко и др.; отв. ред. Г. П. Макогоненко. М.: Наука, 1986. С. 296-378.
11. **Лихачев Д. С.** Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
12. **Мария Павловна** [Электронный ресурс] // Григорян В. Г. Романовы: биографический справочник. М.: АСТ, 2007. URL: https://royallib.com/read/grigoryan_valentina/romanovi_biograficheskiy_spravochnik.html#716800 (дата обращения: 10.06.2019).
13. **Мария Федоровна (супруга Павла I)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/rpg/persons/180/180270.htm> (дата обращения: 10.06.2019).
14. **Никитина А. В.** Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
15. **Панченко А. М.** О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
16. **Разживин А. И.** Драматургия Державина как художественная система // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 1. С. 78-90.

ARTISTIC ORIGINALITY OF G. R. DERZHAVIN'S ODE "DOBRADA'S ABODE"

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pacific National University, Khabarovsk
osokina-11@mail.ru

The article is devoted to the study of G. R. Derzhavin's late creative work. The specificity of the artistic world of the "Dobrada's Abode" ode is considered for the first time. The author traces the plot sources, value commencement, thematic and stylistic diversity of the ode, specificity of the poetic portrait connecting historical and private in human life, the features of genre synthesis covering the elements of lyrics, folklore and dramaturgy. Psychology, encyclopaedism, everyday life description, the image of existence spirituality are defined as essential features of Derzhavin's aesthetics. The paper shows that the genre-style and thematic many-layered nature of the work reflected the character of the poet's artistic search at the turn of the XVIII-XIX centuries. The analysis of the ode makes it possible to follow Derzhavin's way through poetry "connecting" the traditions of the classic ode and pre-romantic lyricism.

Key words and phrases: G. R. Derzhavin; ode; poetics; artistic space; folklorism; genre synthesis; musicality.